

ФОТОРЕПОРТАЖ

10 декабря в Осло состоялась церемония награждения Нобелевской премией мира. В городской ратуше золотые медали и дипломы трем организациям из Беларуси, Украины и России вручил председатель норвежского Нобелевского комитета в присутствии членов норвежского правительства и королевской семьи. В числе лауреатов – российский международный «Мемориал»*. Мы публикуем выдержки из Нобелевской речи председателя правления организации Яна Рачинского.

О ПАМЯТИ И СВОБОДЕ

– Двести лет назад Пушкин видел основу «самостоянья человека», его достоинства и личной свободы в его чувстве сопричастности к прошлому, в любви «к родному пепелищу» и к «отеческим гробам». На неразрывной связи между памятью и свободой основана и работа «Мемориала»*.

Специфика этой работы – в том, что мы занимаемся исследованием и документированием не просто трагедий прошлого и острых общественных коллизий настоящего. Мы исследуем и документируем преступления. Преступления против человека и против человечности, совершенные или совершаемые государственной властью. И первопричину этих преступлений мы видим в сакрализации государственной власти как высшей ценности, в провозглашении абсолютного приоритета того, что этой власти угодно считать «государственными интересами», над личностью, ее свободой, достоинством и правами. Эта перевернутая система ценностей, в которой люди – лишь расходный материал для решения государственных задач, господствовала в нашей стране 70 лет.

О СОЛИДАРНОСТИ И АТОМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

– Семьдесят лет государство уничтожало всякую солидарность между людьми, атомизировало общество, искореняя в нем всякое проявление гражданской солидарности, превращая его в покорное и безгласное «население». Современное печальное состояние гражданского общества в России – прямое следствие непреодоленного прошлого.

Для нас высшим приоритетом является человек, его жизнь, свобода и достоинство. Мы отвергаем формулу «человек – ничто, государство – все». В центре нашего внимания не эпохальные исторические события и не вопросы «большой политики» (хотя и в этих вопросах приходится разбираться, чтобы понять контексты человеческих судеб). Для нас важнее имена и судьбы конкретных людей, ставших жертвами преступной государственной политики, в прошлом и настоящем. Имя и Судьба – это та основа, тот уровень, на котором мы работаем, то, что мы документируем или восстанавливаем.

О ВИНЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

– Нас мучает вопрос – действительно ли «Мемориал»* заслужил Нобелевскую премию мира?

Чудовищный груз, упавший на наши плечи в этот день, стал не легче, а тяжелее

«МЫ НЕ ОПУСКАЕМ РУКИ И ПРОДОЛЖАЕМ РАБОТАТЬ»

после известия о присужденной нам премии.

Нет, это не груз «национальной вины». Не стоит вообще говорить о «национальной» или какой-нибудь еще коллективной вине, – хотя бы потому, что концепция «коллективной вины» решительно отвергается правовым сознанием. Совместная работа участников нашего движения базируется на совсем другой мировоззренческой основе – на понимании гражданской ответственности за прошлое и за настоящее.

Ответственность же человека за все, что происходит с его страной, да и со всем человечеством, основана, как заметил еще Карл Ясперс, на солидарности, общегражданской и общечеловеческой. Это

же относится и к чувству ответственности за события прошлого. Оно вырастает из ощущения человеком своего единства с предыдущими поколениями, из способности осознать себя звеном в цепи этих поколений – то есть из осознания своей принадлежности к сообществу, которое не вчера возникло и, будем надеяться, не завтра исчезнет. Готовность к ответственности – это исключительно личное качество: человек сам, добровольно, принимает на себя ответственность за то, что произошло когда-то, или за что-то, что происходит сейчас, но в чем он непосредственно не участвует; никто другой не может возложить на него этот груз. И самое важное: чувство гражданской ответственности, в отличие от чувства вины, требует не «пока-

яния», а работы. Его вектор направлен не в прошлое, а в будущее.

«Мемориал»* как раз и представляет собой союз людей, добровольно принимающих на себя гражданскую ответственность за прошлое и настоящее и работающих во имя будущего. И, может быть, мы должны воспринимать эту премию не только как оценку того, что сумели сделать за 35 лет, но и как своего рода аванс, ибо мы не опускаем руки и продолжаем работать.

*Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» ликвидирована по решению Верховного суда РФ. Ранее была объявлена в России «иностранным агентом».

ИНТЕРВЬЮ

На церемонии награждения Нобелевской премией мира в Осло вместе с другими участниками международного «Мемориала»* присутствовал и Роберт Латыпов, многие годы возглавлявший пермское региональное отделение этой организации. Мы поговорили с ним о значении этой награды, ситуации в России и перспективах его возвращения на родину.

– Нобелевскую премию мира присудили «Мемориалу»* – что это значит для России и мира?

– Нобелевская премия мира разделена между тремя лауреатами – белорусским правозащитником Алесем Беляцким, украинской правозащитной организацией «Центр гражданских свобод» и российской правозащитной организацией «Мемориал»*. Нобелевский комитет проявил мудрость, наградив сейчас не политиков, а гражданских деятелей, которые в современных и крайне тяжёлых условиях занимаются защитой прав человека и гуманитарными миссиями. У каждой организации разный стиль работы, разная аудитория, но все они объединены едиными нравственными принципами и человеческими ценностями.

Нельзя представить, что Алесь Беляцкий, «Центр гражданских свобод» или «Мемориал»* развязывают конфликты, кого-то оскорбляют или совершают подлый поступок. Хотя в отношении нас это происходит. Алесь Беляцкий и некоторые наши коллеги находятся в тюрьме, а международный и пермский «Мемориал»* ликвидированы по надуманным предложениям.

Нобелевская премия мира – это заявление властям России, Беларуси и, возможно, некоторым горячим головам в Украине о том, что настоящий мир – это гражданский мир без границ. Между организациями-лауреатами политических границ нет. Мы объединены общими смыслами и гуманитарной позицией, в том числе и по поводу происходящего сегодня.

Премия мира показывает, что у «Мемориала»* большой авторитет. Нобелевский комитет тем самым сказал, что мы этим людям доверяем. Когда нынешний кошмар закончится, в нашей стране должны быть организации, которым доверяют и их признают таковыми не только в России, но и в мире. И они должны участвовать в позитивных изменениях в стране. Поэтому премия мира – это еще и своеобразный аванс на

«ПРЕМИЯ МИРА – ЭТО АВАНС НА БУДУЩЕЕ»

Роберт Латыпов – о Нобелевке, сегодняшней России и перспективах возвращения на родину

будущее, сигнал разным людям и сообществам.

Мы получили премию мира во время преступных и трагических событий. На организации из Украины, Беларуси и России выпадает большая ответственность. К нам уже приходят обращения с просьбой выразить свое отношение по разным поводам. Например, иранская оппозиция обратилась с просьбой поддержать их петицию в поддержку необходимости проведения политических реформ в Иране. Мы находимся в дискуссиях, мы почувствовали, что это уже другой уровень. Слово Нобелевского лауреата многое значит. И этой репутацией нельзя просто так разбрасываться.

– Вы уже сказали, что международный и пермский «Мемориал»* в России были ликвидированы властями. Что значит для России этот запрет?

– Были ликвидированы три юридических лица, но это

не означает запрет на мемориальскую деятельность. Организации продолжают работать. Поэтому премия мира – это не только признание прежних заслуг, но и того, что «Мемориал»* продолжает свою работу.

Ликвидация «Мемориала»* носила запредельно репрессивный характер. Формально организацию ликвидировали из-за того, что она не соблюдала закон об «иностранных агентах» и не маркировала свои сообщения. Но если посмотреть на речь прокуроров в Верховном суде, то они прямо указывали на «антигосударственную», по их мнению, деятельность и ликвидировали «Мемориал»* во время подготовки к так называемой спецоперации.

Во время первой чеченской войны, напомним, «Мемориал»* был одной из первых организаций, которая прямо высказалась против неё. Сергей Адамович Ковалев вместе

с другими мемориальцами поехал в Чечню и буквально «доставал» оттуда российских военнопленных. «Мемориал»* всегда был организацией, которая раздражала власти. Тогда он потребовал немедленно прекратить войну и сесть за стол переговоров, что и было в итоге сделано. Вот почему нынешние власти принудительно ликвидировали наше объединение, которое снова могло бы объединить граждан в борьбе за мир.

И присуждение Нобелевской премии мира «Мемориалу»* – это сигнал российским властям о том, что Комитет понимает, почему была ликвидирована организация, которая, несмотря ни на что, продолжает работать.

– Почему в числе организаций, которые были принудительно ликвидированы, оказался пермский «Мемориал»*?

– Нас ликвидировали как юрлицо по формальному при-

знаку, потому что в названии присутствовало название «Международный Мемориал»*. Но и не только. 24 февраля мы опубликовали антивоенное заявление. За его репост я подвергся административному штрафу [по статье о дискредитации вооруженных сил РФ].

Другое мое предположение: возможно, власти хотели откатать практику закрытия и других региональных мемориальных организаций. Пока этого не было сделано, потому что правоохранители заняты «иностранными агентами», антивоенными пикетами и выдвиганием из страны инакомыслящих.

– Когда случилась точка невозврата, после которой изменить ситуацию в стране стало невозможно?

– 31 декабря 1999 года. Но все мы поняли это не сразу. Кто-то говорил, что точка невозврата была пройдена в 2011 году, после протестов в

связи с фальсификациями на выборах. Тогда власти подавали протесты, но обещали провести политические реформы.

По сути, точка невозврата наступила с приходом к власти Путина, когда начался возврат и легитимизация системы КГБ. Когда из страны стали выдавливать олигархов Гусинского и Березовского и независимые СМИ в лице НТВ. Потом прижали бизнес, потом занялись некоммерческими организациями, избирательное право заменили голосованием. Независимый суд так и остался декларацией.

Все эти годы мы видели, как сворачивались свободы одна за другой. Но видели и победы [гражданского общества], и рост благосостояния [людей]. На многие вещи мы закрывали глаза. И в результате пришли к тому, к чему пришли. Думаю, это еще не конец, всё говорит о наступлении более серьезных негативных последствий.

– То есть между властью и обществом был некий консенсус: мы вам даем возможность повысить своё благосостояние, а вы не лезете в политику?

– Да, но эти времена негласного консенсуса давно закончились – и даже не после 24 февраля, а несколько лет назад, когда людей стали «трогать» сильно и больно. Отток [людей] начался после 2011-2012 гг., а после 2014 года усилился. Конечно, его не сравнить с массовой эмиграцией, которая случилась после нынешнего февраля, когда Россию покинуло, по мнению многих экспертов, около миллиона человек. Но все равно – это показатель отношения власти к своим гражданам и граждан к этой власти.

Сейчас мы понимаем, что последней такая эмиграция была выгодна. Это, конечно, утечка мозгов, но такие люди – угроза для власти. Доктор экономических наук Александр Аузан как-то сказал, что российскому руководству для удержания власти в стране нужно всего лишь 30 тысяч человек – тех, кто обеспечивает работу нефтяной и газовой трубы. Все остальное население чиновникам не нужно, потому что это дополнительные социальные расходы на пенсии, здравоохранение и медицину и т. д. Вот и сейчас власть разрешила уехать очень многим, чтобы они не могли быть ей угрозой и обузой.

– Задам болезненный вопрос. Были ли у вас, как у представителя гражданского общества, ресурсы и возможности сделать так,

чтобы история пошла по другому сценарию?

– Я все время об этом думаю (пауза). Да, наверное, мог. Нам, «Мемориалу»*, казалось, что мы делаем очень многое. Мы работали с молодежью и проектами, ориентированными на развитие гражданского активизма. Но, видимо, сами не до конца понимали, что нужно было серьезно заняться изменением политической повестки, добиваться сменяемости власти и создавать политическую конкуренцию. Мы не обращали большого внимания на проблему независимости суда, на проблему развития национализма в российском обществе.

И еще. Несмотря на то, что мы занимались защитой прав призывников, у нас не было миротворческих проектов. Мы могли бы сделать больше для того, чтобы сознание наших людей не было шовинистическим. С какой злостью сейчас многие говорят об украинцах, прибалтах, американцах. На митингах в российских городах с трибун прямо заявляют, что наши ракеты с ядерными боеголовками могут полететь в сторону недружественных стран. Это же нонсенс!

Нам всегда казалось, что, когда страна пережила очень тяжелую и страшную Вторую мировую войну, это является условием, что люди не будут ее любить. Но уже в 2010 году мы столкнулись с феноменом «победобесия», милитаризацией экономики, когда армия стала главным институтом поддержки власти. Мы это видели, но наш голос оказался слабым и необидительным для граждан страны.

– Одна из отличительных черт пермского правозащитного движения – сотрудничество с властью, чтобы гуманизировать ее институты. Не кажется ли вам сейчас, что это было идеалистическим посылом?

– Если бы этого мы не делали, то даже в тех условиях мы бы оказались в положении маргиналов не только в глазах власти, но и у общества.

Есть и другой ответ. Если вы занимаетесь правозащитной деятельностью, вы не можете не взаимодействовать с властями. Суть заключается не только в том, что вы защищаете обиженного человека, но вы должны найти инструменты, чтобы государство смогло компенсировать нанесенный ущерб человеку и извиниться перед ним. А также чтобы были приняты меры для недопущения подобных нарушений прав человека в будущем. Для этого нужно находиться в коммуникации с властями. Поэтому мы должны были

проявлять уважительность, а иногда признательность за позитивные отклики и действия чиновников.

– Как вы оцениваете ситуацию с правозащитным движением в России? Можно ли сейчас заниматься защитой прав человека?

– Легальной правозащитной работой сейчас заниматься практически невозможно. Правозащита ведь зависит от трех факторов: потребности в ней общества и граждан (такая потребность есть), наличия институций (но их практически нет, потому что их ликвидировали) и готовности органов власти быть открытыми к коммуникации с правозащитниками (такой готовности уже нет). С экранов телевизоров льется меседж: «Правозащитники – это иностранные агенты, либерасты, предатели».

Поэтому чиновники на переговоры не идут, они хорошо считают сигналы, идущие из федерального центра. Вот недавно президент «почистил» Совет по правам человека и убрал из него последних известных правозащитников. К моему удивлению, там все же остались [руководитель Центра «Грани»] Светлана Маковецкая и [экс-уполномоченная по правам человека в Пермском крае] Татьяна Марголина.

Поэтому сегодня у рядового россиянина практически не осталось институций, которые бы его поддержали, а государство проявило бы к нему уважение как к гражданину. Нет и независимого суда.

Произошли изменения и в самом российском обществе, его национальном самосознании и исторической памяти. И это не является чем-то исключительным. Если прово-

дить параллели с другими тоталитарными режимами, которые находились в процессе подготовки или в состоянии войны с соседними странами, мы увидим, как большинство людей приветствовали решение диктатора и радовались войне. Прозрение наступило лишь только тогда, когда произошел полный разгром.

– Есть ли в России события или тенденции, которые бы настраивали на оптимизм?

– У меня есть ощущение гордости за то, что люди до сих пор не боятся выходить на улицы с призывами за мир, несмотря на известный финал такого выхода.

Я говорил о своей спортивной злости в 2019 году, когда в офисе «Мемориала»* проходили обыски. Тогда мы победили в судах, смогли проработать еще два с половиной года, и продолжаем работать сейчас. Мне приятно, что к нам приходят новые люди. И не боятся этого.

– Ваш отъезд из России был спешным?

– Нет, на самом деле он готовился очень давно. Я получил стипендию для того, чтобы работать в архиве одного немецкого института. Тема исследования касается советских диссидентов, которые были политзаключенными зон Пермь-35, -36 и -37. Я начал работать с не введенными в широкий обиход личными архивами – дневниками, письмами, фотографиями, которые бывшие диссиденты передали в этот институт. Сначала я думал, что напишу статью, но выяснилось, что материала набирается на книгу.

Предполагалось, что я поеду в начале 2022 года. Но потом начались события с лик-

видацией международного и пермского «Мемориала»*, а потом началась так называемая спецоперация. Нужно было запустить процессы по регистрации новой организации. Моя поездка все откладывалась и откладывалась. Я не мог бросить коллег на произвол судьбы.

– То есть у вас довольно комфортные условия проживания?

– Большое количество мемориальцев были вынуждены покинуть страну после 24 февраля. Сейчас они живут в Грузии, Армении, Бразилии, Чехии, республиках Прибалтики, Германии и далее – везде.

Здесь высокий уровень солидарности с такими людьми, как я. Когда я снял квартиру, в которой не было ни мебели, ни посуды, немецкие коллеги и друзья проявили поддержку. Мне бесплатно привезли посуду и мебель. Мне грех жаловаться, особенно по сравнению с тем, что происходит сейчас в Украине.

– Вы планируете вернуться в Россию?

– Я не считаю себя политэмигрантом и принципиально не подавал заявку на политическое убежище. Формально я нахожусь в Германии на стипендии по исследовательской работе. Мы с семьей рассчитываем вернуться при изменении политической ситуации в стране. Мы хотим быть на родине.

* Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» ликвидирована по решению Верховного суда РФ. Ранее была объявлена в России «иностранным агентом».

ЗА ЧТО БЫЛ НАГРАЖДЕН «МЕМОРИАЛ»* ПРЕМИЕЙ МИРА. ФОРМУЛИРОВКА НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА

Правозащитная организация «Мемориал»* была создана в 1987 году правозащитниками в бывшем Советском Союзе, которые хотели, чтобы жертвы притеснений коммунистического режима никогда не были забыты. Среди учредителей были лауреат Нобелевской премии мира Андрей Сахаров и правозащитник Светлана Ганнушкина. «Мемориал»* основан на представлении о том, что противостояние прошлым преступлениям необходимо для предотвращения новых.

После распада Советского Союза «Мемориал»* стал крупнейшей правозащитной организацией в России. Помимо создания центра документации жертв сталинской эпохи, «Мемориал»* собирал и систематизировал информацию о политических притеснениях и нарушениях прав человека в России. «Мемориал»* стал самым авторитетным источником информации о политзаключенных в российских СИЗО.

Когда гражданское общество должно уступить место автократии и диктатуре, следующей

жертвой часто становится мир. Во время чеченских войн «Мемориал»* собирал и проверял информацию о злоупотреблениях и военных преступлениях, совершенных российскими и пророссийскими силами в отношении гражданского населения. В 2009 году из-за этой работы была убита руководитель филиала «Мемориала»* в Чечне Наталья Эстемирова.

Активисты гражданского общества в России уже много лет подвергаются угрозам, тюремному заключению, исчезновениям и убийствам. В рамках преследований «Мемориала»* со стороны правительства организация была заклеена как «иностранный агент». В декабре 2021 года власти приняли решение о принудительной ликвидации «Мемориала»* и окончательном закрытии центра документации. Закрытие вступило в силу в последующие месяцы, но люди, стоящие за «Мемориалом»*, отказываются закрываться. В комментарии о принудительном роспуске председатель Ян Рачинский заявил: «Никто не собирается сдаваться».

СОБЫТИЕ

БУДЕМ ПОМНИТЬ

В городской библиотеке Афулы (Израиль) прошел вечер «Не забудьте нас!», организованный израильским обществом «Мемориал»*.

«Не забудьте нас» – зывают к нам, живущим сегодня, миллионы жертв политических репрессий, пострадавших от тоталитарного режима в бывшем СССР. Их памяти был посвящен этот вечер. Он открылся под звуки Гимна «Мемориала»* в исполнении Михаила Черепанова.

Собравшихся приветствовала руководитель управления абсорбции мэрии Афулы Инна Окунь, напомнившая о том, как важно не забывать сегодня о страшных страницах истории, чтобы они никогда не повторились ни в какой стране.

Вот несколько фактов, прозвучавших на вечере: по официальным данным и только за период сталинского правления в СССР было невинно приговорено к расстрелу или к каторжным лагерям около четырех миллионов человек. Советская власть всеми силами и, прежде всего, страхом пыталась вырвать имена репрессированных из памяти оставшихся в живых. Долгое время о судьбе арестованного невозможно было узнать даже ближайшим родственникам. Это считалось государственной тайной, за её нарушение можно было поплатиться свободой или жизнью. Под тяжестью страха матери не рассказывали детям о том, что их отца арестовали. Уничтожали из семейных альбомов фотографии арестованных родственников, друзей, знакомых...

Но стоило в бывшем СССР смениться политическому режиму с жестко тоталитарного на более мягкий, словно прорвало плотину. Родственники невинно пострадавших захотели узнать правду о их судьбах. Им на помощь пришло созданное более тридцати лет назад общество «Мемориал»*.

Активист «Мемориала»* Михаил Калих рассказал об одной из миллионов таких

судеб. На экране телевизора портрет двадцатилетнего студента Виталия Гармаша. В этом возрасте его арестовали, обвинив в террористических намерениях в адрес руководителей партии и правительства. Приговор военного трибунала – 25 лет исправительно-трудовых лагерей. После смерти Сталина приговор отменили. Виталий окончил вуз, работал экономистом и писал пронзительные стихи о пережитом во время репрессий. Несколько стихов Виталия прочитала на вечере Инесса Видута – руководитель отдела по работе с пожилыми мэрии Афулы.

Как «Мемориал»* осуществляет свою главную миссию увековечивания памяти жертв политических репрессий, рассказала в видеозаписи исполнительный директор этой общественной организации Елена Жемкова.

Следующая видеозапись показала собравшимся еще одну форму работы «Мемориала»* – рассказ о судьбах репрессированных с помощью передвижных выставок. Одна из выставок так и называется – «Не забудьте нас». Экскурсию по ней ведет молодой активист «Мемориала»* Иван Васильев. Он рассказывает о репрессированных в одном из регионов России – Пермском крае. Вот фотография двух маленьких девочек-сестренок Ангелины и Ольги Бушувых. Фотографировали их летом. Но почему они в валенках? Потому, оказывается, что, когда арестовали отца, всю семью выгнали из квартиры, не дав собрать даже детскую одежду. Мама успела схватить то, что под руку подвернулось. Фотографию сделали для арестованного папы, но он в это время уже был расстрелян, о чем семье, конеч-

но, не сообщили. А потом и маму арестовали и сослали в АЛЖИР (аббревиатура Акмолинского лагеря для жен изменников родины). Как выжили девочки без родителей, одному Богу известно. Слушая эмоциональный рассказ Ивана Васильева об этой и других судьбах, многие участники вечера не смогли удержаться от слез.

Ведущие вечера Александр Калих и Ирина Кизилова предлагают собравшимся посмотреть и послушать еще одну видеозапись: житель Израиля Владимир Клейнер вспоминает о двух своих репрессированных дедушках (по папе и маме) и благодарит «Мемориал»* за то, что помог узнать о трагических судьбах близких ему людей.

Ведущие рассказывают о том, что «Мемориал»* ведёт широкую правозащитную деятельность и в отношении современных грубых нарушений прав человека, продолжает активную благотворительную, историческую, научно-просветительскую работу. Организованная им международная акция «Возвращение имен» вот уже три года проводится и в Афуле.

В декабре 2021 года российские власти ликвидировали регистрацию Международного «Мемориала»* как юридического лица. Но он продолжает свою работу и в России, и за ее пределами.

Сейчас «Мемориал»* представляет собой содружество организаций, действующих в России, Германии, Казахстане, Италии, Чехии, Бельгии, Франции, Украине, а теперь и в Израиле. 7 октября 2022 года Нобелевский комитет присудил «Мемориалу»* Премию мира.

Ведущие вечера предлагают собравшимся поделиться памятью о своих близких, пострадавших от репрессий. Недавний репатриант Егор Калих рассказывает о прапрабабушке Анне Васильевне Косолаповой, осужденной по Сталинскому Указу о колосках на 10 лет тюрьмы и умершей там через шесть месяцев от голода. Инна Видута, Яна Сальман и другие участники вечера делятся своими воспоминаниями. Михаил Сальман читает два стихотворения, посвященных теме репрессий.

...На экране плывет список расстрелянных. Молодая активистка Лиза Калих читает их имена. Объявляется Минута молчания. Участники вечера встают. В тишине звучит метроном...

Ирина Кизилова

* Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“» ликвидирована по решению Верховного суда РФ. Ранее была объявлена в России «иностранным агентом».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Правление Центра исторической памяти поздравляет юбиляров – бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты.

В декабре **Владимир Иванович Брэдгауер** отметил 70 лет, а **Владимир Иванович Варш** 80 лет.

85-летие отпраздновали **Люция Абдурахмоновна Полимонова, Викторина Павловна Трухинова** и **Софья Ивановна Пleshивцева**.

90 лет исполнилось **Евгению Николаевичу Арапульцеву**, а **Маргарита Павловна Пермькова** отметила 93 года.

Анна Семеновна Кожевникова и **Зоя Владимировна Нагибова** отпраздновали 95 лет.

Здоровья вам, дорогие ветераны!

Юбиляры декабря